

Кринж везде и сразу

В СОВРЕМЕННОМ культурном пространстве имеют место понятия, которые напоминают зияющие дыры: они постоянно ускользают от определения. Не исключено, что эти понятия бессмысленны, но остается ощущение, что за ними все-таки что-то скрыто. К такой группе «присутствующего отсутствия» можно отнести понятие «кринж», условно означающее неловкость, стыд за кого-то другого. Проблема кринжа заключается именно в том, что он значит одновременно все и ничего: по мере расширения области употребления слова «кринж» оно теряет смысл. В ситуации, где к кринжу можно подобрать бесконечное количество синонимов, резонно ограничить контекстуальное поле, где кринж может обрести статус понятия: мыслиться как кринж и никак иначе. Существует несколько таких контекстов, в рамках которых кринж становится автономным концептом.

Кринжовое, часто понимаемое как постыдное, запросто можно было бы отнести к сфере этического. Тем не менее аспект понятия, предполагающий опыт Другого, уместно считать сугубо эстетическим, покуда кринж — это впечатление, форма чувствования. Кринж оказывается куда более проблематичным понятием: он разворачивает извечную проблему обоснования независимого статуса эстетики, часто относимой к разделу этического. В этой связи особенно интересно сравнение кринжа со своим «дальним родственником» — китчем, который маркирует то, чего мы должны стыдиться, а именно — предмет дурновкусия. О том, чем кринж отличается от китча и какое они имеют отношение к этике и эстетике, пишет Марина Васильева в статье «Кринж как этический китч».

Проблема толкования кринжа осложняется многообразием его модусов: можно называть что-то кринжем, находить кого-то кринжовым, а также кринжевать — продуцировать кринжовое из себя. Кринжевание как сознательное производство причин для «съеживания», как ни странно, позволяет посмотреть на себя со стороны. Если в кафе мы заказали лимонад и решили его не выпить, а, например, вылить его себе на лицо, мы однозначно поступили кринжово. С другой стороны, мы продемонстрировали хотя и абсурдный, но все же альтернативный вариант использования напитка. Иными словами, мы освободились от привычного для нас дискурса, где мы, словно в оковах, обязаны правильно выпить лимонад. Кринж, таким образом, меняет нашу опти-

ку, трансформирует представление о привычном. Как раз данная особенность во многом придает понятию новизну: кринж парадоксально пробуждает в нас чувство стыда, но почему-то мы не стыдимся. Кринж — это фиктивный стыд, делающий нас более уязвимыми и одновременно свободными. Мотив освобождения через кринж развивает Любовь Михайлова в своей статье «Китч, кэмп и кринж как агенты профанации».

Безусловно, исследования кринжа не заканчиваются на этике и эстетике. Можно утверждать, что кринж затрагивает самые разные области философского и гуманитарного знания. Следы этой специфической формы чувствования обнаруживаются и в эпистемологии, и в политической теории, и в психоанализе. Кринж также может выступать связующим звеном поляризованных концептов и идеологических установок, обличая властные основания самых различных «лагерей». О политическом и эпистемологическом наполнении кринжа как аффекта говорится в статье Максимилиана Неаполитанского «*I am cringe, but I am free*: кринж на пути от самоотждествленности к освобождению», где анализируется путь кринжа от маргинального понятия к способу политического чувствования, который затрагивает психоанализ и различные телесные практики.

Вполне возможно, что кринж является лишь новомодным аналогом стыда и неловкости, однако это многое говорит о востребованности кринжа в современности. Существует мнение, что кринжовое является лишь следствием в рамках феномена гиперэстезии — ситуации обостренной чувствительности. Нынешняя действительность часто характеризуется куда большей ранимостью и чуткостью ко всему вокруг. Получается, кринж может выступать исключительно формой обостренной реакции на что-либо. Кринж как выражение гиперэстезии рассматривает Артем Радеев в статье «Кринж как проблема».

Кринж многозначен: в зависимости от контекста он кардинальным образом меняет свой смысл. Тем не менее магистральной темой для осмысления кринжа является мотив освобождения. Современность для своего понимания всегда требовала особого взгляда. Кринж как раз и выступает новой оптикой, поскольку быть кринжовым — значит быть другим: свободным от нормальности и дистанцированным на то расстояние, на котором можно посмотреть на современность целиком.

Захар Бояркин

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Россия